

Глава 19. Твою мать

Си Нянь хранил молчание. Накануне Цзян Лунь опоил его, и в охватившем его безумии он едва ли отдавал себе отчет в своих поступках. Но теперь, когда мысли окончательно прояснились и воспоминания сложились в единую картину, выражение его лица стало тяжелым и мрачным.

Лу Синчжэ, словно намеренно издеваясь, решил освежить его память:

— Забыл? Вчера ты вцепился в мою руку и не отпускал, а потом прижал к стене...

— Хватит, — ледяным тоном оборвал его Си Нянь.

Лу Синчжэ вскинул бровь. В холодном взгляде актера ему почудилось нечто похожее на отвращение. Он на мгновение замер, но тут же расплылся в медленной, нарочито спокойной улыбке:

— Сожалеешь? Теперь уже поздно. Мы сделали всё, что только можно было сделать — и даже то, чего не следовало.

Его тонкая шея была усыпана бледными розоватыми отметинами — безмолвным свидетельством того, насколько бурной была прошлая ночь. Высокий воротник едва скрывал их.

— Чего ты хочешь? — прямо спросил Си Нянь.

— Ничего.

Бросив эту короткую фразу, Лу Синчжэ развернулся и вышел. Вопреки ожиданиям, он не стал ни угрожать, ни требовать отступных. В комнате осталась лишь измятая постель — немой свидетель случившегося хаоса. Си Нянь, заметив, что походка собеседника стала какой-то неестественной, невольно нахмурился. Он поднялся с кровати и, поспешно подобрав разбросанную одежду, натянул её на себя.

Система, которая, казалось, целую вечность наблюдала за ними из тени, наконец проявила себя. Синее сияние, исходящее от её оболочки, стало в два раза ярче обычного:

[Ты собираешься вернуть его?]

Си Нянь бесстрастно посмотрел на парящую сферу:

— С чего бы мне это делать?

Её корпус мгновенно окрасился в пунцовый цвет:

[Потому что... ну, вы ведь только что... сделали это...]

Его вдруг охватило необъяснимое раздражение:

— У вас в межзвездном пространстве что, правила такие? Переспал с кем-то — и обязан бежать следом?

[...Нет, такого правила нет.]

— Тогда избавь меня от своих расспросов, — отрезал Си Нянь.

[Но вчера ты сам задавал очень много вопросов...]

Он резко замер, застегивая рубашку. Эти слова, словно игла, задели некую потаенную, глубоко скрытую струну в его душе. Тело на мгновение сковало напряжение. С трудом взяв себя в руки, Си Нянь схватил комплект чистой одежды и направился в ванную.

Горячие струи воды обрушились на плечи, невольно вызывая в памяти жар чужого тела. Си Нянь зачесал мокрые волосы назад; его глубокие, четко очерченные черты лица казались безупречными, но в изгибе губ и взгляде сквозило едва уловимое равнодушие — та самая ледяная отстраненность, пронизывающая всё его существо.

Он никогда не был человеком, способным дарить тепло.

Си Нянь закрыл глаза. Вчерашний хмель сорвал затворы с плотины, и воспоминания прошлой жизни, к которым он так не хотел прикоснуться, хлынули неудержимым потоком. Он помнил, как Лу Синчжэ угрожал ему, помнил, как тот разрушил его карьеру и имя... но помнил и то, что в последние минуты жизни только папарацци оставался рядом.

«Зачем ты пришел?»

«Если ты решил отомстить, зачем тогда явился на помощь?»

Возможно, из-за того, что это были последние кадры его жизни, он помнил их слишком отчетливо. То чувство абсолютного одиночества на вершине пустоты вновь на мгновение сковало его сердце. Актер вспомнил, как вчера мертвой хваткой вцепился в плечи Лу Синчжэ, не давая ему уйти, и медленно открыл глаза.

Лу Синчжэ, Лу Синчжэ...

Они вместе творили зло, вместе взошли на пьедестал и вместе рухнули в бездну.

Эта связь оказалась куда прочнее, чем Си Нянь пытался себе внушить. Её нельзя было разорвать парой слов, от неё не удавалось избавиться даже после перерождения. Его разум отчаянно пытался стереть этого человека, но тело помнило всё.

«...»

Си Нянь медленно перевел дыхание и выключил воду. Система внимательно следила за каждым его движением:

[Что ты намерен делать дальше?]

«А что тут сделаешь, — подумал он. — Буду ждать новостей».

Он ожидал, что Лу Синчжэ воспользуется случившимся как рычагом для шантажа, но тот ушел без лишних слов, словно это событие не имело для него никакой ценности. Си Няню казалось, что это совершенно не в его стиле, и оставалось только внимательно следить за развитием событий.

Впрочем, ему и самому требовалось время, чтобы во многом разобраться.

Последние дни зарядили дожди. Вскоре после того, как Лу Синчжэ вернулся домой, за окном забарабанили тяжелые капли. Ему было не до погоды. Он сидел на диване, не шевелясь, погруженный в глубокое оцепенение. Бледная кожа и свободная одежда придавали его худобе болезненный, почти изможденный вид.

Всё его естество отзывалось тягучей болью; при малейшем движении по спине пробегала волна холодного пота. Папарацци не знал, как быть, и, пошатываясь, забрел в ванную, чтобы принять душ, а затем кое-как привёл себя в порядок.

Пар быстро заполнил тесное пространство, покрывая зеркало белесой пеленой. Он провел рукой по стеклу, очищая небольшой участок. В отражении прямо на его плече виднелся четкий след от зубов — багрово-синюшная отметина. Глядя на неё, нетрудно было представить, с какой иступленной жадностью Си Нянь вчера терзал эту кожу поцелуями.

Но, проснувшись, тот не выказал ничего, кроме холодного безразличия и брезгливости.

Для юноши это был первый раз.

Он коснулся пальцами припухшей нижней губы. Там, в спальне, всё казалось обжигающе жарким и правильным, но теперь, когда дурман развеялся, от этой мимолетной близости

осталась лишь тупая боль.

В присутствии Си Няня Лу Синчжэ всегда усмехался, но, оставаясь наедине с собой, он почти не улыбался. Он вышел из ванной; с мокрых иссиня-черных волос всё еще капала вода. Лениво опустившись перед компьютером, он хотел было заняться вчерашними снимками, но тут вспомнил: из-за внезапной встречи с Си Нянем он так ничего и не снял.

Очередная сделка с треском провалилась.

«...»

В наступившей тишине Лу Синчжэ, не выдержав, яростно выругался:

— Твою мать.

<http://bllate.org/book/15807/1428121>